

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

Следы шеллингианства в организации буслаевского дискурса

Работа выполнена по государственному заданию Минобрнауки России, проект 33.7591.2017/8.9

В статье рассматриваются рецепции интеллигибельных построений Ф. Шеллинга в научном творчестве Ф. И. Буслаева. Отмечается, что тяжеловесные философские конструкции Ф. Шеллинга Буслаев всегда переводил на конкретно-образный, «материализованный» язык, стремился самостоятельно осмысливать новые для себя идеи, проверять их применимость на досконально известных ему материалах индоевропейской словесности. Подчеркивается, что главным итогом приобщения Буслаева к шеллингианской философии мифологии стала его окончательно оформившаяся концепция мифа и сущности мифологических воззрений в древности. Отмечается, что Буслаев критиковал Шеллинга за «классическую брезгливость» – недооценку мифологического наследия скандинавского, финского, литовского и южноамериканских народов. Буслаев постепенно отказывается от идей трансцендентальной философии и начинает отдавать предпочтение надежной аргументации, критической проверке всех фактов, объективным и апробированным методам сбора и обработки информации.

Ключевые слова: миф, мифология, религия, философия мифологии, трансцендентальность, монотеизм, политеизм, пантеизм, народность.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

Schellingism Traces in Organization of Buslaev's Discourse

In the article receptions of intelligible structures of F. Schelling in F. I. Buslaev's scientific work are considered. It is marked that Buslaev always translated heavy-weight philosophical constructions of F. Schelling into the specific and figurative, «materialized» language, he aimed to comprehend independently the ideas, new to himself, to check their applicability on materials of Indo-European literature well-known to him. It is emphasized that his finally issued concept of the myth and the entity of mythological views in the ancient time became the main outcome of union of Buslaev to Schelling's mythology philosophy. It is marked that Buslaev criticized Schelling for «classical fastidiousness» – underestimation of mythological heritage of Scandinavian, Finnish, Lithuanian and South American people. Buslaev gradually refuses transcendental philosophy ideas, and begins to give preference to the reliable argumentation, critical check of all facts, the objective and approved methods of data collection and processing.

Keywords: myth, mythology, religion, mythology philosophy, transcendency, monotheism, polytheism, pantheism, nationality.

«Переключки» с Ф. Шеллингом не трудно отыскать не только в философских рефлексиях Ф. И. Буслаева, но и в организации буслаевского дискурса. Благодаря изобретательности этого классика немецкой философии, в тезаурусе Ф. И. Буслаева, могло появиться немало емких и метких слов, которые он охотно использовал в своих сочинениях. К ним относятся: сцепление, обломок (системы), брожение (народов), формация (как ступень языкового развития) [10, с. 168, 349, 350, 176 соответственно]. Словарный фонд Ф. И. Буслаева пополнился такими выражениями, как народная поэзия, обаятельное чудесное, невинный взгляд (на природу), мифологическое сознание, мифологический процесс, детство человечества, степень (развития) культуры [10, с. 168, 166, 339, 356, 362 соответственно].

В публикациях Ф. И. Буслаева, как и у Ф. Шеллинга, умозрительные выводы сочетаются с «положительными» знаниями, основанными

на научно аргументированных фактах, полученными в ходе сравнительно-исторических процедур [см., к примеру: 2, с. 211, 224]. Однако, если для создателя трансцендентального идеализма умозрительность была средой для производства нового «наукоучения» [10, с. 161, 165], и любой «мыслимый» способ подкреплялся «исторически познаваемым» фактом, тоже, в свою очередь, подсказанным интеллектуальной интуицией и продуктивным созерцанием – основными инструментами познания [7, с. 22], то для русского ученого теоретизирование являлось не более чем демонстрацией уровня своей эрудированности, философской грамотности. Ф. И. Буслаев принимал достижения немецкой классической философии на веру, не сомневаясь в истинности умозаключений авторитетных ученых, хотя «глубокомысленная философия немцев», говоря словами В. А. Жуковского, русским была «еще не по росту» [9, с. 225].

Поэтому не стоит удивляться тому, что заблуждения немецких ученых наставников Ф. И. Буслаева вместе с противоречивостью их рассуждений нашли пристанище на страницах его трудов.

К примеру, из «Введения в философию мифологии» сложно понять, что же являлось источником появления мифологического сознания у первобытных народов, так как Ф. Шеллинг предлагает разные версии объяснения. Он упоминает о духе, первичность которого в создании всего сущего в трансцендентальной философии была неоспорима. Именно дух участвовал в создании языка, а следовательно, и мифологии, по причине их единственности и изоморфизма: это были «органические» по своей природе «существа», обладающие «непостижимостью преднамеренного строения» и бессознательным употреблением [10, с. 202, 212, 357].

Одновременно автор убеждает нас, что «мифология исходила из народа» и является, таким образом, его изобретением [10, с. 211]. Мифология не имела никаких шансов не возникнуть, потому что в ней содержится «врожденный взгляд [народа. – М. Н., Т. II.] на мир» [10, с. 213].

Третий вариант объяснения заключается, как будто, в опровержении второго и сближении с первым, признающим безграничные творческие потенции духа (абсолюта). Мифология, уверяет Ф. Шеллинг, – это «изначальное порождение сознания» [10, с. 348], которое при этом остается безучастным ко всему происходящему, потому что оно «не выбирает и не изобретает ни сами представления, ни их выражение» [10, с. 324]. Пассивная роль сознания объясняется тем, что оно «не менее, чем природа, есть нечто созданное [богом. – М. Н., Т. II.]... оно – край творения... Поэтому те силы, которые... поднимаются из глубины сознания и раскрываются как силы теогонические... не могут быть иными, нежели те, что породили сам мир...» [10, с. 342].

При такой неопределенности и подвижности мысли философа не трудно предугадать, каким мог быть результат их осмысления¹.

Мы продемонстрируем сложность адекватного постижения смысла рассуждений Ф. Шеллинга на примере его изложения истории религиозного сознания человечества.

Вопреки представлениям своего и нашего времени, он доказывает, что развитие религиозно-мифологического сознания началось с моно-

теизма, потому что никаким иным и не могло быть первоначальное сознание бога [10, с. 327, 332, 335].

Под Богом, или абсолютом, понимается «абсолютная полнота, тотальность, тождество всего»: реального и идеального, субъекта и объекта. В этом случае появление чего-то, по рассуждениям Ф. Шеллинга, могло бы свидетельствовать об ущербности, недостаточности Бога-абсолюта, о чем невозможно было даже и «помыслить». Из этого Бога нельзя ничего отделить, ничего вывести в качестве возникающего или зарождающегося объекта. Бог – есть все [10, с. 310, 316], вечное и бесконечное, представленное во всех формах, степенях и периодах (потенциях) развития реальности (природы, мира) [10, с. 342, 343].

Возражая «философам истории», которые признавали фетишизм, шаманизм, обожествление природных объектов первоначальными стадиями «религиозного развития человечества» [10, с. 309], Ф. Шеллинг последовательно проводил идею изначальности «всеобщего Бога всего человечества» [10, с. 259], аргументируя свои соображения пафосной фразой: «Нет! Не из столь жалкого состояния изошло человечество, ход истории величественен, и начало ее – иное: основным тоном в сознания человечества [еще не разделенного на народы. – М. Н., Т. II.] всегда оставался великий *единый*, не ведающий себе равных, какой действительно исполнял собою небо и землю – все» [10, с. 310]. Человек «в своей *изначальной* сущности» тоже был «полагающей Бога... природой», поэтому «*природный, слепой*» монотеизм прасознания и являлся изначальной формой религиозной мысли всего человечества. Иного быть не могло, пока человечество еще не выделило себя из природы, а сознание существовало лишь в форме возможности, которая пришла в движение в ходе саморазвития, восхождения к самопознанию [10, с. 316–319].

Такой монотеизм, который еще «не ведает и о себе как монотеизме... и о противоположном себе», то есть о политеизме [10, с. 318], Ф. Шеллинг называл «относительным монотеизмом» [10, с. 309, 315]. «Настоящий, сопряженный с ведением» [то есть «сознательно достигнутый». – М. Н., Т. II.] монотеизм, в свете его умозаключений, исторически обретался только в результате длительного пути «восхождения сознания... к знанию о Боге» [10, с. 319, 320].

Между «относительным» и «настоящим» монотеизмом находился, по его убеждению, период политеизма [10, с. 315]. Хотя историческое начало политеизма было еще «не ведомо» науке [10, с. 312, 313]. Ф. Шеллинг без колебаний связывал появление многобожия с приходом «исторического времени», когда, по его мнению, свершилось разделение человечества на народы [10, с. 214, 250, 312]. «Проникая в глубь истории, – писал он, – мы повсюду встречаем одно лишь многобожие» [10, с. 313]. Связывая происхождение политеизма с развитием сознания [10, с. 321], он в то же время подчеркивает безусловный и бессознательный характер изменения религиозных представлений: сознание «впутывается» в производство мифологического процесса «внезапно и неприметно», не привлекая «мышление, волю, рассудок, свободу» [10, с. 321, 322]. Этот неосознаваемый человечеством переход от монотеизма к политеизму был возможен потому, полагал Ф. Шеллинг, что сознание по-прежнему было проникнуто – «полонено» – «принципом чисто природным, естественным следствием которого выступают многобожие и мифология» [10, с. 322]. Мифология, таким образом, представляет собой «разбродившийся, разложившийся монотеизм» [10, с. 233].

Итак, по-Шеллингу выходит, что мифология как форма мысли первобытного человечества, как особый взгляд на мир [10, с. 213], появилась на том отрезке развития наших далеких предков, когда на смену «относительному» монотеизму пришел политеизм, но и он в конечном итоге вновь обернулся монотеизмом, только теперь «настоящим».

Этот сложный процесс эволюции религиозного сознания, представленный Ф. Шеллингом, получил своеобразное освещение в статье Ф. И. Буслаева «Следы славянских эпических преданий в немецкой мифологии» (1862). Мысль автора «Философии мифологии» о «решительном повороте в религиозном процессе к многобожию» русский исследователь мифологического сознания индоевропейских народов назвал «беспорно... [одной. – М. Н., Т. П.] из самых светлых, блистательных в замечательной книге великого философа» [5, с. 238]. Следовательно, Ф. И. Буслаев поддержал идею Ф. Шеллинга о развитии первобытного сознания от «относительного» монотеизма к политеизму, хотя из содержания всех его предшествовавших работ 40–

60-х гг. следовал совершенно противоположный вывод.

Не углубляясь в истолкование «блистательной» мысли Ф. Шеллинга в контексте «ее чисто философского развития», Федор Иванович приступил к исправлению тех погрешностей, которые обнаружил у немецкого философа при его интерпретации фактического материала: греческой и персидской мифологии. В частности, он, в отличие от Ф. Шеллинга, отсрочил время появления многобожия у индоевропейцев, связав этот факт не с «отвлеченным умозрением» об оскотлении Урана ради «зарождения идеи о женственности в недрах» божества-мужчины, как это предполагал философ, а с появлением в «народных мифах... идеи о плодородии», не мыслимой без фигуры богини-матери [5, с. 238, 239].

Кроме того, Ф. И. Буслаев откорректировал представления Ф. Шеллинга о женском – «пассивном начале мифологии», которое, якобы, являясь «божеством водяным», не имело отношения к земле. Противопоставляя этому неверному, по его соображениям, выводу, сведения из сравнительной лингвистики и мифологии, Ф. И. Буслаев обосновал «существенную связь земли и моря в древнейшем чествовании богини-Матери» [5, с. 240].

В остальном Ф. И. Буслаев соглашается с предложенной Ф. Шеллингом трактовкой процесса развития религиозного сознания и, демонстрируя свое понимание «поворота» от монотеизма к политеизму, следующим образом объясняет этот феномен: «...С размножением божеств усиливается и распространяется материальное понятие о высшем и едином божественном существе, которое, таким образом, раздробляется на отдельные личности с более индивидуальным характером, определяемым наглядностью, впечатлениями и обстоятельствами жизни...» [5, с. 239].

Для Ф. И. Буслаева, следовательно, монотеизм сводится, говоря словами Ф. Шеллинга, либо к пантеизму, предполагавшему возможность разложения целого на самостоятельные элементы, уже не подчинявшиеся «господствующей идее», либо к учению об эманации, когда «божество, свободное в себе от любой множественности, нисходя в мир, воплощается во множество конечных обликов – манифестаций» [10, с. 234]. Однако дробление «великого, Бога-абсолюта», на

части для создания множества богов, «овеществленных» с материальными сферами жизни первобытных людей и их бытом [5, с. 243], считалось недопустимым упрощением трансцендентальной философии.

Подобное переложение безумно сложных умствований Ф. Шеллинга на язык конкретно-образный, «материализованный», которым так славился Ф. И. Буслаев, может свидетельствовать о том, что ему была недоступна вся глубина философской рефлексии немецкого ученого. Хотя мы не исключаем и другого объяснения: Ф. И. Буслаев всегда стремился самостоятельно осмысливать новые для себя идеи, проверять их применимость на досконально известных ему материалах индоевропейской словесности. В ходе этих интеллигентных и научно-практических акций ему удавалось отобрать наиболее ценные результаты философского наукотворчества для своего мировоззрения и применить их к собственным размышлениям о природе мифа и судьбе мифотворчества.

К примеру, к началу 60-х гг. ему уже было ясно, что миф – это не просто басня, вымысел, художественная «прикраса» первых поэтов, а «привычка так, а не иначе смотреть на мир, так, а не иначе выражаться» [3, с. 511]. Ф. И. Буслаев развил представления Ф. Шеллинга об «эпическом чудесном». Если для немецкого философа основанием «чудесного» служили учения о богах, то для Ф. И. Буслаева «эпическое чудесное» – это бессознательное творчество народной фантазии [4, с. 412, 414], «воспитанное чарованиями, приметами и другими суевериями» [3, с. 507]. Оно «удовлетворяло всем душевным стремлениям суеверной старины. В нем искала ответа пытливая любознательность; к нему прибегали в немощи и нужде за врачеванием, колдовством и заклинаниями» [3, с. 507]. В «эпическом чудесном» черпала свое вдохновение поэзия, «мифические основы» которой, несмотря на «затейливое сплетение» были и небылицы, обыкновенного и необыкновенного, не способны были поколебать «убеждение в справедливости [истинности. – М. Н., Т. П.] эпического рассказа» [3, с. 507, 508, 511]. Ф. И. Буслаев даже утверждает, что «чудесное» служило основой самой жизни русского народа вплоть до XVII в., и «одинаковое расположение умов», проникнутое «лживыми», по сегодняшним меркам, убеждени-

ями, начало исчезать только под влиянием христианства и просвещения [3, с. 471, 505, 547].

Главным итогом приобщения Ф. И. Буслаева к шеллингианской философии мифологии стала окончательно оформившаяся в начале 70-х гг. XIX в. его концепция мифа и сущности «мифологических воззрений». В статье «Сравнительное изучение народного быта и поэзии» ученый с уверенностью сообщает, что «не должно ограничивать понятие о мифологии только религиозным характером и видеть в ней, как видели прежде, округленную систему учения о богах и полубогах, нечто в роде догмата вероучения. Это было не что иное, как способ понимать вещи, умственный прием для уразумения, способ мыслить и выражаться» [6, с. 679, 680].

Словно восстанавливая весь процесс рассуждений Ф. Шеллинга о сущности мифологии, Ф. И. Буслаев констатирует, что мифология «была вместе и религией, потому что она возводила человечество в мир идей, указывая величайшую из них в божестве и бессмертии, это была вместе и поэзия, потому что поэзия, слагая свои образы в мифических формах языка, каждую идею воплощала в идеал, ценность которого определялась ступенями развития умственного и нравственного в приближении к идее религиозной» [6, с. 679]. Он подчеркивает растянувшееся на тысячелетия влияние «мифологического процесса» на умственное и нравственное развитие народов древности и, констатируя «эластичность мифологических представлений» [6, с. 679, 682], заявляет о единственно возможном объективном, лишенном тенденциозности и научного пристрастия способе их изучения – привлечении методик сравнительного историко-филологического анализа [6, с. 679, 680, 702].

Своеобразными репликами «Философии мифологии» могут служить две цитаты: фраза о языке как «поблекшей мифологии» [6, с. 680], авторство которой принадлежало Ф. Шеллингу, и экспликация идеи немецкой классической философии о «неотразимом влиянии языка на все, что касается сверхъестественных и отвлеченных представлений», но главным образом – на «дух человеческий, хотя ему от природы присуще сознание высшей божественной силы» [6, с. 662].

При этом, как видно из содержания и контекста статьи, имя Ф. Шеллинга уже не окружено прежним ореолом величия: Ф. И. Буслаев критикует философа за «классическую брезгливость»,

выражавшуюся в недооценке мифологического наследия скандинавского, финского, литовского, южноамериканского народов, – его презрение к этим якобы «низшим по развитию» в сравнении с создателями образцов классической «изящной мифологии» народностям, не достигшим, в отличие от египтян, евреев, греков и римлян, высшей «степени цивилизации» [6, с. 651, 652].

Тональность статьи свидетельствует о том, что русский исследователь мифологии и «доисторической картины всего рода человеческого» [6, с. 699] начинает отдавать предпочтение «критическим приемам... современных наук» (например, сравнительной этнографии). Их объединяет использование «точных статистических данных», опора на «строгие лингвистические и филологические» факты, оперирование только «положительными фактами», изгоняющими из арсенала научных средств умозрительные практики [6, с. 653, 655, 659, 675, 681, 687, 715].

Самую идею трансцендентальности Ф. И. Буслаев начинает воспринимать «пустопорожней формой, в которую можно вложить что угодно» [1, с. 467]. Окончательно разрывая, таким образом, пуповину, связывавшую его когда-то с немецкой классической философией, и расставаясь с былыми иллюзиями о научной непогрешимости метафизических способов восхождения к истине, Ф. И. Буслаев начинает отдавать предпочтение надежной аргументации выводов, критической проверке всей базы данных, объективным и апробированным методикам сбора и обработки культурно-исторической информации [6, с. 653, 713].

Следовательно, можно утверждать, что на последнем этапе своего житетворчества Ф. И. Буслаеву удалось окончательно «вытеснить из себя» философа, которым ему приходилось быть поневоле, в силу специфики выбранных им направлений исследований: следуя за учеными кумирами, представителями немецкой научной мысли, в том числе и классиками философии, в стремлении постичь антропологические аспекты языкознания, способы передачи и хранения «духовной» информации, свойства знаковых систем в человеческом обществе, ему приходилось следовать правилам, приемам, принятым в философском дискурсе XIX в., присваивать стиль мышления, разработанный в трансцендентальном идеализме.

В середине и второй половине XIX в., когда на смену философскому синтезу наук о человеке пришла тенденция к специализации отраслей знания и умозрительные технологии стали вытесняться «подчеркнутым позитивным знанием» [11, с. 580], на роль «силы», сблизившей усилия многих предметно не соприкасавшихся между собой дисциплин, стала претендовать, по мнению Ф. И. Буслаева, «психология народная» [6, с. 653]. Ее он называет «новой философией» и прочит тесный альянс с этнографией и теми науками, которые строят свои доказательства на несомненных, твердо доказуемых фактах, подлежащих сравнению: сравнительной грамматикой и лингвистикой, сравнительной мифологией, сравнительным изучением права [6, с. 653, 701].

Приведение в «соприкосновение» этих наук, которые замещали самые популярные во время жизни Ф. Шеллинга философию истории, философию эстетики, философию религии [10, с. 161, 352, 353], могло исполнить своеобразное завещание этого мыслителя, который предсказывал долгую научную судьбу исследованиям, связанным с мифологией. Он объяснял это тем, что мифология как первоначальная форма мировосприятия человечества относится к «историческим предпосылкам первого порядка», следовательно, ее изучение принадлежит к разряду великих проблем, «предрешающих судьбу человечества» [10, с. 352].

Ф. И. Буслаев, отказавшись от умозрительных конструкций и способов добывания знания, принятых в философствовании Ф. Шеллинга, своим неослабным интересом к мифологическому мышлению и мифотворчеству продолжил дело, славу которому предрек один из его главных немецких учителей.

Следовательно, Ф. Шеллинг сделал для Ф. И. Буслаева, как, впрочем, и для многих представителей российской науки первой половины XIX в., очень многое. Он сообщил их «всеобъемлющим исканиям... пафос тотальных перемен, борьбы с застоём и рутинной», активизировал интерес к осмыслению универсальных устоев национального бытия и постижения глубин человеческого сознания [9, с. 220, 225].

Библиографический список

1. Буслаев, Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Сочинения по археологии и истории искусства :

в 3 т. – Т. 1. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1908. – С. 459–522.

2. Буслаев, Ф. И. Об эпических выражениях украинской поэзии [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 210–230.

3. Буслаев, Ф. И. Русская поэзия XVII века [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. – С. 470–547.

4. Буслаев, Ф. И. Русский народный эпос [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. – С. 401–454.

5. Буслаев, Ф. И. Следы славянских эпических преданий в немецкой мифологии [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Народная поэзия. Исторические очерки. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1887. – С. 216–244.

6. Буслаев, Ф. И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии [Текст] / Ф. И. Буслаев // Русский вестник, издаваемый М. Катковым. – М., 1872. – № 10. – Октябрь. – Т. 101. – С. 645–727.

7. Гулыга, А. В. Философское наследие Шеллинга / А. В. Гулыга // Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения : в 2 т.: пер. с нем. – Т. 1 / сост., ред., авт. вступ. ст. А. В. Гулыга. – М. : Мысль, 1987. – С. 3–38.

8. Каменский, З. А. Русская философия начала XIX века и Шеллинг / З. А. Каменский. – М. : Наука, 1980. – 326 с.

9. Сахаров, В. И. О бытовании шеллингианских идей в русской литературе / В. И. Сахаров // Контекст, 1977: литературно-теоретические исследования. – М. : Наука, 1978. – С. 210–226.

10. Шеллинг, Ф. Введение в философию мифологии. Историко-критическое введение в философию мифологии. Книга первая / Ф. Шеллинг // Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения: в 2 т.: пер. с нем. – Т. 2 / сост., ред. А. В. Гулыга ; прим. М. И. Левиной, А. В. Михайлова. – М. : Мысль, 1989. – С. 159–374.

11. Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения: в 2 т.: пер. с нем. – Т. 2 / сост., ред. А. В. Гулыга ; прим. М. И. Левиной, А. В. Михайлова. – М. : Мысль, 1989. – С. 573–595.

Bibliograficheskij spisok

1. Buslaev, F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Sochinenija po arheologii i istorii iskusstva : v 3 t. – Т. 1. – СПб. : Тип. Imperatorskoj Akademii nauk, 1908. – С. 459–522.

2. Buslaev, F. I. Ob jepicheskikh vyrazhenijah ukrainskoj poeziji [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – Т. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 210–230.

3. Buslaev, F. I. Russkaja poezija XVII veka [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. – Т. 1. – S. 470–547.

4. Buslaev, F. I. Russkij narodnyj jepos [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. – Т. 1. – S. 401–454.

5. Buslaev, F. I. Sledy slavjanskikh jepicheskikh predanij v nemeckoj mifologii [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Narodnaja poezija. Istoricheskie ocherki. – SPb. : Tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 1887. – S. 216–244.

6. Buslaev, F. I. Sravnitel'noe izuchenie narodnogo byta i poeziji [Tekst] / F. I. Buslaev // Russkij vestnik, izdavaemyj M. Katkovym. – М., 1872. – № 10. – Oktjabr'. – Т. 101. – S. 645–727.

7. Gulyga, A. V. Filosofskoe nasledie Shellinga / A. V. Gulyga // Shelling F. V. J. Sochinenija : v 2 t.: per. s nem. – Т. 1 / sost., red., avt. vstup. st. A. V. Gulyga. – М. : Mysl', 1987. – S. 3–38.

8. Kamenskij, Z. A. Russkaja filosofija nachala XIX veka i Shelling / Z. A. Kamenskij. – М. : Nauka, 1980. – 326 s.

9. Saharov, V. I. O bytovanii shellingianskih idej v russkoj literature / V. I. Saharov // Kontekst, 1977: literaturno-teoreticheskie issledovanija. – М. : Nauka, 1978. – S. 210–226.

10. Shelling, F. Vvedenie v filosofiju mifologii. Istoriko-kriticheskoe vvedenie v filosofiju mifologii. Kniga pervaja / F. Shelling // Shelling F. V. J. Sochinenija: v 2 t.: per. s nem. – Т. 2 / sost., red. A. V. Gulyga ; prim. M. I. Levinoj, A. V. Mihajlova. – М. : Mysl', 1989. – S. 159–374.

11. Shelling F. V. J. Sochinenija: v 2 t.: per. s nem. – Т. 2 / sost., red. A. V. Gulyga ; prim. M. I. Levinoj, A. V. Mihajlova. – М. : Mysl', 1989. – S. 573–595.

Reference List

1. Buslaev F. I. Guesses and dreams about primitive mankind // Buslaev F. I. Compositions on archeology and history of art: in 3 v. – V. 1. – SPb. : Publishing House of Imperial Academy of Sciences, 1908. – P. 459–522.

2. Buslaev F. I. About epic expressions of the Ukrainian poetry // Buslaev F. I. Historical sketches of the Russian national literature and art: in 2 v. – V. 1. Russian national poetry. – Publishing House «Obshchestvennaya Polza», 1861. – P. 210–230.

3. Buslaev F. I. Russian poetry of the 17th century // Buslaev F. I. Historical sketches of the Russian national literature and art. – V. 1. – P. 470–547.

4. Buslaev F. I. Russian national epos // Buslaev F. I. Historical sketches of the Russian national literature and art. – V. 1. – P. 401–454.

5. Buslaev F. I. Traces of Slavic epic legends in the German mythology // Buslaev F. I. National poetry. Historical sketches. – SPb. : Publishing House of Imperial Academy of Sciences, 1887. – P. 216–244.

6. Buslaev F. I. Comparative studying of national life and poetry // the Russian bulletin issued by M. Katkov. – М., 1872. – № 10. – October. – V. 101. – P. 645–727.

7. Gulyga A. V. Schelling's philosophical heritage // Schelling F. W. J. Compositions: in 2 v.: translated from German. – V. 1 / author A. V. Gulyga. – М.: Mysl, 1987. – P. 3–38.

8. Kamensky Z. A. Russian philosophy of the beginning of the 19th century and Schelling. – М.: Nauka, 1980. – 326 p.

9. Sakharov V. I. About existing Shelling's ideas in the Russian literature // the Context, 1977: literary and theoretical researches. – М.: Nauka, 1978. – P. 210–226.

10. Schelling T. Introduction to mythology philosophy. Hystorical-critical introduction to mythology philosophy. Book the first / F. Schelling // Schelling F. W. J. Compositions: in 2 v.: translated from German. – V. 2 / author A. V. Gulyga; comment of M. I. Levina, A. V. Mikhaylov. – М.: Mysl, 1989. – P. 159–374.

11. Schelling F. W. J. Compositions: in 2 v.: translated from German. – V. 2 / author., editor A.V. Gulyga; comments of M.I. Levina, A.V. Mikhailov. – М.: Mysl, 1989. – P. 573-595.

---

¹ Не лишены противоречий и другие результаты «продуктивного созерцания» Ф. Шеллинга, например, отношение языка к мифологии. Сначала автор утверждает, что «язык... встает рядом с мифологией» [10, с. 312], а поскольку человеческое сознание немислимо без языка [10, с. 202], то создается впечатление синхронного

возникновения языка и мифологии. Это впечатление начинает разрушаться, когда Ф. Шеллинг заключает, что «язык – это лишь стершаяся мифология», потому что «его абстрактные и формальные различия сохраняют то, что мифология сохраняет в различиях живых и конкретных» [10, с. 203]. Следовательно, получается, что язык – это более высокая «потенция» развития сознания, чем мифология.

Вывод Ф. Шеллинга о том, что мифология уже в доисторический период превратилась в округленную, законченную систему [10, с. 214, 357], тоже идет вразрез с его пониманием онтологических, происходивших во времени и пространстве, исторических процессов, в самом факте развития которых прослеживается присутствие идеи прогресса. Казалось бы, что и мысль Ф. Шеллинга о сознании как о «крае творения» [10, с. 342] тоже предполагает учет идеи развития природы от простых к более сложным и совершенным формам. Однако современные исследователи творчества философа обращают внимание на то, что для Ф. Шеллинга ступени динамического процесса осознавались как «единовременный ряд, который строится не историческими периодами, а умозрительными, априорными категориями... как возможные направления философствования». Основой его рассуждений о «создании», то есть о процессе появления чего-либо, была идея абсолюта как предпосылки, реального и единственного принципа возникновения всего сущего, и органического, и неорганического [7, с. 21, 22; 8, с. 279].